

> МАГИСТРАЛЪ >

ЗИНАИДА ГИППИУС

Чёртова кукла

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г50

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Гиппиус, Зинаида Николаевна.
Г50 Чёртова кукла / Зинаида Гиппиус. — Москва :
Эксмо, 2026. — 288 с. — (Магистраль. Главный
тренд).

ISBN 978-5-04-211270-6

Зинаида Гиппиус (1869–1945) — поэтесса и идеолог русского символизма, жена Дмитрия Мережковского. Долгое время произведения писательницы не печатались в России — она покинула родину в годы Гражданской войны.

Из густого петербургского тумана «декадентская мадонна» соткала свой мистико-социальный роман о прекрасном Юруле — аристократе, который живет ради себя и удовольствий. Обаятельный герой отлично умеет «играть в любовь» и подстраивать мораль под собственную выгоду. Пока демоны революции только набирают силу, а роскошные гостиные жадно впитывают шепот своих нервных постояльцев, у него есть еще немного времени, чтобы тоже осознать себя «чертовой куклой» в чьих-то руках.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211270-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Юруля

Они чуть не столкнулись — оба шли так быстро. Подняли друг на друга глаза. Девушка, одетая скромно, даже бедно, первая заговорила:

— Здравствуйте. Вы ли?

— Наташа! Я бы и не узнал. Ну, да ведь так давно не видались.

— Давно... правда... Вы — точно вчера это было. Точно вам семнадцать лет.

— Тем лучше. А мне ведь уже за двадцать. Вы здесь живете, в Париже?

Наташа после первого движения как будто раскаялась, что окликнула его. Сказала неопределенно:

— Да... Вот и встретились. Может, еще встретимся, Двоекуров. А теперь я...

— Хотите проститься? Как хотите. Я не стал бы искать вас, Наташа, говорю по правде. Но уж встретились, так поболтаем. Я забыл и вас, и Михаила, и других, и себя немножко, какой я был тогда с вами. Просто забыл, не думал, о своем сегод-

няшнем думал. А вот случайность — встретил вас и с удовольствием вспоминаю. Зачем же отталкивать приятную случайность?

Он говорил и улыбался. Изумительная улыбка: сияющая и умная.

Наташа тоже улыбнулась невольно.

— Я уезжаю опять в Россию, — продолжал он. — Теперь уж надолго, верно. Пожалуй, больше и не увидимся.

— В Россию? — задумчиво сказала Наташа.

Они медленно шли вместе по широкому тротуару. Малонарядная и молодая толпа большого бульвара, близкого к Сорбонне, такая живая в этот час, толкала их. Зимние, бледные парижские сумерки свисали с неба.

— Так что же, Наташа? Простимся?

Она еще помолчала.

— Нет, все равно. Пойдемте, посидим. Вот хоть в Люксембурге.

И двинулась вперед, через улицу, к решетке сада.

Холодный, зелено-алый ранний закат над серыми тенями деревьев. Холодный стук голых веток, — стук костяшек. Точно поздняя ночь мая под Петербургом.

— Расскажите о себе, — сказала Наташа, вздрагивая от холода.

Они сели на скамейку недалеко от бассейна.

— Да я все тот же. Здесь занимался химией...

— Химией? — удивилась она.

— Да, да... А вы, верно, вспомнили, что я прежде в Германии изучал философию? Химия удобнее, как я рассудил. Что до философии — довольно мне и своей. Ну, да это скучный разговор. Химия так химия — не все ли вам равно? Уж я знаю, что для меня лучше.

— И едете в Россию?

— Да. Надо с петербургским университетом развязаться. И хочется пожить в Петербурге. Вы здесь одна, Наташа? А Михаил? А... Кто там еще? Где они?

Наташа помолчала.

— Не знаю... — промолвила она неопределенно.

— Не хотите говорить? Ну не надо. Я ведь не любопытен. Для меня и они, и вы, Наташа, — прошлое. Милое, приятное, живое прошлое, оттого я и хотел вспомнить его. Но смотрю на вас и думаю, не уйти ли. Лицо у вас грустное, неприятное.

— Подождите. Это я по привычке бояться всех так говорю с вами, Юруля. А вас нечего бояться, вы — счастливый.

— Я счастливый, — сказал он просто.

— И вы не лжете.

— Нет, непременно лгу, когда нужно. Непременно. Но только когда нужно.

Наташа встала.

— Милый Юруля, сейчас никакой радости вам разговор со мной не даст. Лучше простимся. Только вот что: вы едете в Петербург? Отыщите там бра-

та. Я завтра утром вам для него маленький пакет пришлю. Хорошо? Где вы живете?

Юруля тоже встал. Он был тонкий, крепкий, высокий, как молодая елка.

— Я живу недалеко, Наташа, но пакета вы мне, пожалуй, и не присылайте. Не буду искать Михаила. Он мне не нужен. Не огорчайтесь, милая, мне будет больно. Я говорю точно, как думаю, как чувствую. Если я нужен Михаилу — он меня разыщет, и я бегать от него не стану. Поймите, что мне сейчас за радость искать Михаила, что мне передавать, везти этот пакет? Это дело чужое, а чужие дела я забываю, плохо исполняю. Не сердитесь, милая.

Наташа засмеялась. Опять села. Вдруг вспомнила его, — такого, каким знала когда-то, не вполне похожего на других людей, ее окружавших. Вспомнила, что ей всегда весело было, любопытно смотреть на него, слушать, что он говорит. Любили его все, неизвестно за что; но Наташа не столько любила, сколько приглядывалась. Потом забылось. Уж очень много с тех пор пережито.

— Вы смеетесь? Не сердитесь?

— Нет, нет. Ну какая я глупая. Я с вами встретила, точно не с вами. Не надо никакого пакета. Я к весне тоже приеду в Петербург. Захочется мне или Михаилу — найдем вас.

— Вот это отлично! Вот теперь легко с вами стало... Нет, впрочем, не так, как прежде. У вас лицо измученное. Ах, Наташа! Зачем? Я ведь знаю. И вас, и Михаила.

— Что знаете?

Юрий молчал. Ему не хотелось говорить. Стало скучно. Рассказывать он любил, рассуждать избегал. Через две минуты после встречи с Наташей он, припомнив ее и ее брата, уже представил себе с ясностью, какие они должны быть теперь, если учесть все с тех пор. Стоит ли говорить?

— Михаил прежний, — сказала Наташа.

— Ну, да, да. Может, и не прежний, а живет по-прежнему, из долга. Пленник.

— Что же делать? Как жить? — тихо сказала Наташа.

— Ах, не знаю... Я другим не советчик. Просто живите, вер никаких не ищите. Вы — скептик, Наташа, но темный скептик, а не светлый. Вы никогда ни во что не верили, но злились за это на себя. Бедная вы, бедная!

Он с нежной жалостью глядел на нее.

— Прощайте, милая. Ну ничего, вы все-таки по-своему гармоничная, ничего.

Он уже спешил уйти. Уже не хотелось и вспоминать, какая она невеселая... И нарастала досада, было неприятно.

— Вот вы меня жалеете, — сказала Наташа, — а я вам часто завидовала. Михаил — тот нет. А Кнорр бранил и завидовал.

— Что же? — сказал Двоекуров. — Я счастливый, потому что так хочу, так сам выбрал. Будь у них немножко больше соображения и заботы...

— О себе? — подсказала Наташа.

— О ком же?

Наташа смотрела на него задумчиво. Не уходила. Кажется, не думала о том, что он говорил. У нее яркие глаза, яркие и светлые, точно пустые.

— Хесю помните, Юруля? — сказала она вдруг.

Он сдвинул брови. Сияющая красота его вдруг потемнела.

— Какая у вас жадность вспоминать неприятное? Я с досадой вспоминаю Хесю! Я совсем не хотел ее любви. Нисколько она мне не нравилась. А впрочем, до вас это не касается. Нет, Наташа, я каюсь, что начал разговор с вами. Вы не умеете вспоминать, не умеете радоваться, не умеете жить. Мне с вами скучно и досадно.

Он повернулся было, чтоб уйти, но остановился и ласково положил ей руку на плечо.

— Не будем ссориться, я не хочу. Вы все для меня — милое, хорошее прошлое, кусок жизни. Как я рад, что тогда столкнулся с вами! Помните, какое было время? И какие все тогда были живые, молодые, веселые...

— Верующие... — тихо сказала Наташа.

— Пустое! Моя вера и тогда была та же, что и теперь, а я был с вами. И разве я что-нибудь скрывал от вас? Говорил громкие слова, поддерживал ваши идеи? Разве обманывал вас даже тогда, когда мы вместе в Москве сидели, когда ни за один день ответить нельзя было, когда я ваши поручения исполнял, а вы, случалось, мои? Разве я старался уверить вас, что я ваш, что по гроб жизни буду заниматься революцией, что думаю, как вы...

— Тогда было не до рассуждений...

— Да, а я все-таки уловил минуту и сказал вам и Михайлу правду. Сказал, что я не ваш, а свой. Делаю ваше дело потому, что мне оно сейчас приятно, увлекательно, нравится, — и должно оно нравиться молодости. Без этого, если б я тогда со стороны глядел, а не жил, — молодость была бы не полна, ну и жизнь, значит, не полна. Вы это помните все.

— Помню, помню, — сказала Наташа грустно. — Что ж, вы правы. Но и Хesia не виновата, если ничему этому не поверила, полюбила вас по-своему.

Двоекуров нетерпеливо пожал плечами. Хотел было сказать, что да, не виновата и что все это не важно. Не сказал именно от ощущения неважности и скучной досады.

— Сейчас запрут решетку, пора, простите, — спохватилась Наташа. — Я уйду... И... все равно, — прибавила она решительно, — я рада, что встретила вас; будьте каким вы есть, если нельзя иначе. Будьте счастливы.

— Буду, буду!

Он, улыбаясь, крепко пожал ей руку и долго смотрел вслед.

Она пошла от него, серая в серых сумерках. И вся стройная, благородная, несмотря на скромную одежду, точно переодетая принцесса.

Юрий вышел на бульвар, где теперь горели огни и толпа переливалась синим и желтым.

Зинаида Гиппиус

«Наташа скорее бы понравилась мне, чем Хеся, — думал Двоекуров. — В ней своя гармония... или дисгармония какая-то. Это привлекательно. Да вот в голову отчего-то не пришло»...

— Oh, le joli garçon!¹ — крикнула ему, не останавливаясь, веселая «кофейная девочка» и блеснула глазами.

Юруля привычно улыбнулся ей, но прошел мимо, вперед, все еще думая о Наташе, переставая думать о ней понемногу.

---

¹ О, что за хорошенький мальчик! (*фр.*)

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПО-СТУДЕНЧЕСКИ

У старого сенатора, Николая Юрьевича Двоекурова, опустившееся, бритое лицо, бессильно злые глаза и подагра. Подагра серьезная, он все время почти не вставал с кресел, давно уже не выезжал.

Его забыли. Он это понимал. От злобы и от скуки он все что-то писал у себя, не то мемуары, не то какие-то записки, и не хотел даже завести секретаря.

Он был скуп и беден, зол и одинок. К нему, на его половину, случалось, никто не заходил целый день, кроме дочери Литты.

Эта «половина», отведенная ему графиней-тещей, была особенно мрачна; и некрасива, несмотря на молчаливую торжественность высоких потолков и темной, старой, тяжелой мебели.

Шестнадцатилетняя Литта жила при графине-бабушке. Старуха завладела девочкой сразу, как только умерла ее дочь. Не прощала внучке, что она — Двоекурова, но ведь все-таки это дочь ее несчастной дочери. Пусть, по крайней мере, девочка получит надлежащее воспитание.

К зятю, Николаю Юрьевичу, закаменевшая старуха питала спокойное и даже мало объяснимое отвращение. Не видались они по месяцам.

Но удивительно: Юрия, сына Николая Юрьевича от первого брака, старая графиня с годами все больше и больше миловала. Оттого ли, что мать его, как она знала, тоже была хоть и бедная, но «хорошо рожденная» (удается же таким «Двокуровым»!), оттого ли, что сам он ей весь нравился, — она благосклонно говорила с ним и даже верила ему.

— *Décidément, ma petite, c'est un garçon très bien élevé*¹, — говорила она после каждой аудиенции и трясла головой. Нравился Юрий.

Литта краснела от удовольствия. Еще бы не нравился! Кому это он может не нравиться!

Случилось, что ни отцу, ни тем менее графине, не пришло в голову ни разу ограничить в чем-нибудь свободу Юрия. Он взял ее сам, просто, как неотъемлемую собственность. Мало того, с семнадцати лет никому даже и не рассказывал, что делает, куда уходит, куда уезжает. Денег никогда не просил, что графиня ценила, а отец принимал как должное, не заботясь, хватает ли ему положенных ста рублей.

Впрочем, на первую поездку за границу, в Германию, и на вторую, в Париж, отец дал какие-то лишние гроши, и графиня прибавила без просьбы.

---

¹ Определенно, малышка, он очень воспитанный мальчик (*фр.*).

В конце зимы Юрий вернулся из Парижа и тотчас же объявил дома, что взял себе для занятий комнату на Васильевском острове. Он не переезжает — только не всегда будет дома ночевать, вот и все.

Отец ничего не сказал, графиня приняла просто, Литта огорчилась, но втайне. И так оно и пошло.

— У тебя отличная комната, настоящая студенческая, — говорил Левкович грустно. — Только вот никогда тебя не застанешь. И дома у тебя бывал, — нету. Сюда третий раз прихожу, разузнал адрес.

— А тебе нужно что-нибудь?

— Да нет, я так. Ведь подумай, с тех пор, как ты вернулся, всего второй раз тебя вижу.

Комната, может быть, и отличная, но тесноватая. В углу длинный стол занят какими-то банками и склянками. Юрий, в тужурке, лежит на клеенчатом диване и курит тонкую папироску. Левкович снял шашку, но все-таки неловко теснится на стуле, поджимая ноги.

— Химия? — спрашивает он, косясь на склянки.

— Да... Ну, здесь это так. Здесь разве серьезно можно заниматься.

Левкович — троюродный брат Юрия. Ему под тридцать. Он ни дурен, ни красив. Если Юрля смахивает на узкую *flûte*¹ для шампанского, то Левкович, рядом с ним, похож не на стакан, а на большую, обыкновенную рюмку из толстого стекла, с коротковатой ножкой.

---

¹ Здесь: фужер (фр.).